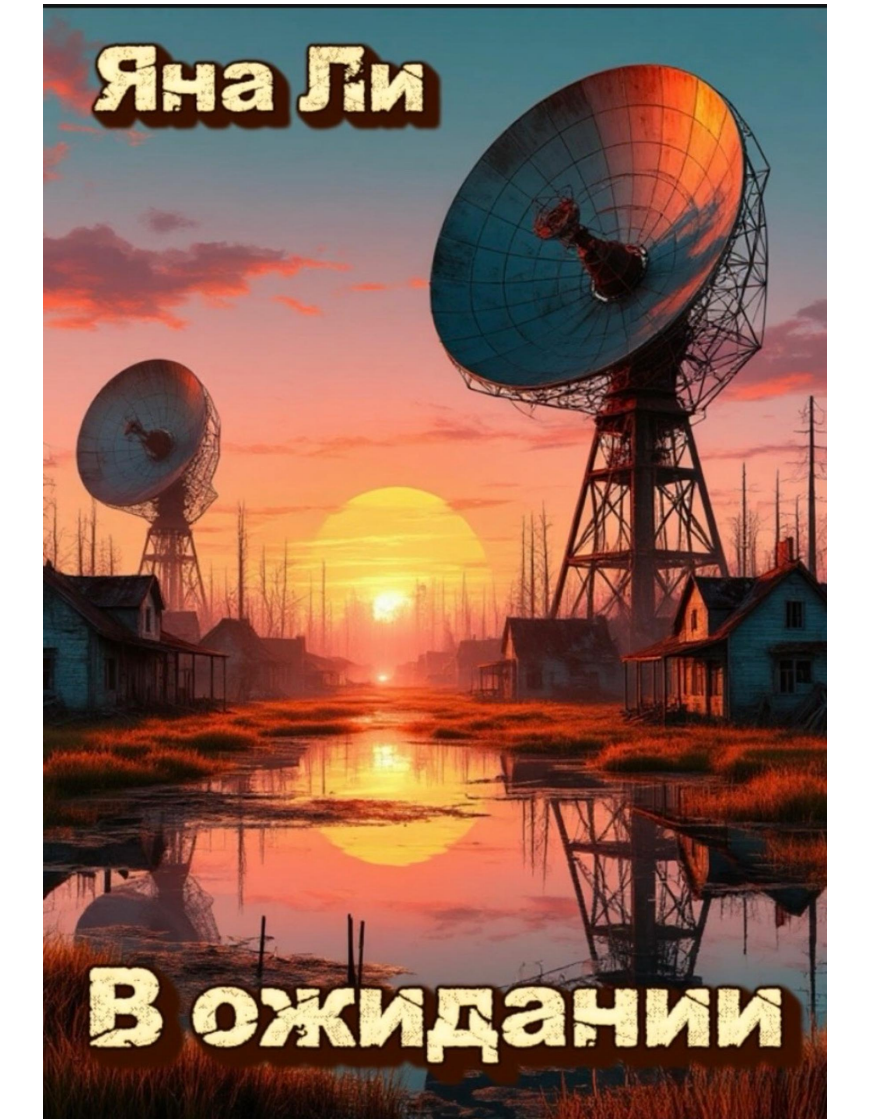

Яна Ли

A surreal landscape at sunset. In the foreground, a large satellite dish is mounted on a tall metal tower. To its left, another smaller satellite dish is visible. The background features a row of small, blue-painted houses along a road that leads towards a large, bright sun on the horizon. The sky is filled with soft, orange and pink clouds. The entire scene is reflected in a body of water in the foreground.

В ожидании

Яна Ли

В ожидании

<https://litres.ru/74014224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать лет назад человечество покинуло Землю, пообещав вернуться за нерешившимися. Та малочисленная группа, что осталась, не спешит сдаваться: они чинят ржавые вышки, экономят припасы и каждое утро поднимают взгляд к небу, ожидая ответа от колонистов. И однажды в приёмники наконец врывается сигнал, но правда оказывается страшнее молчания. Кто-то доработал забытый протокол связи и теперь предлагает выбор: остаться людьми в одиночестве или стать частью чего-то большего.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Яна Ли

В ожидании

Глава 1

Они обещали вернуться. И мы честно ждали. Готовились к этому дню, как к великому чуду. Но, прежде чем можно было надеяться на ответ, нужно было наладить связь.

* * *

Кевин Максвелл сидел на металлической балке двенадцатого яруса вышки и закручивал последний болт. Гайка затянулась с мягким металлическим хрустом, и он, наконец, выдохнул. День был долгим. Солнце уже касалось края болот длинными оранжевыми языками, отражаясь на огромных ржавых антеннах. В этом спектре они казались совершенно новыми, а не брошенными здесь тридцать лет назад.

Кевин опустил гаечный ключ в поясную сумку и посмотрел вниз. Фигура у воды по-прежнему не шевелилась. Это был кто-то из новеньких. Старожилов он сразу узнавал по походке, осанке и тому, как они смотрят в небо — не вверх, а вскользь, словно проверяя, не вернулась ли прежняя синева. Новоприбывшие же смотрели иначе. Они ещё верили.

— Эй, Максвелл! — окрикнула его с нижней платфор-

мы Чен, его напарница. Только она звала его по фамилии. Девушка стояла у контрольного щитка, запрокинув голову и шурясь от солнца. — Ну что, затянул?

— Да вроде.

— Тогда спускайся. Завтра проверим сигнал.

Кевин кивнул, но не торопился. Ветер доносил с болот запах тины и прелой травы. Где-то там, за гребнем скал, которые сейчас напоминали чёрные зубья на фоне розовеющего неба, когда-то был город. Теперь вот уже лет пятнадцать как, там абсолютная тишина.

— Красота, правда? — Чен забралась на два пролёта выше и встала рядом, вцепившись в поручень. Она не смотрела на закат. Она говорила про антенны. — Моя бабушка рассказывала, что когда их ставили, думали, что это всего на год. Ну на два — не больше. Как подстраховка, пока чинят основную сеть.

— Ага, — поддержал Кевин, хотя слышал этот рассказ уже сотню раз. — А вышло, на всю жизнь.

Чен промолчала, сжимая пальцами, на которых виднелись свежие ссадины, холодный металл.

— Думаешь, они нас ещё слышат?

Кевин не ответил. Вопрос был риторическим. Все они здесь жили этим вопросом. Дышали им, варили с ним еду и укрывались им по ночам, как одеялом. Если ответить «да», то придётся признать, что тридцатилетнее молчание — это осознанный выбор тех, кто клятвенно обещал вернуться. Ес-

ли сказать «нет», то зачем тогда они каждое утро лезут на эти вышки, латают кабеля, выпаивают старые передатчики и меняют блоки питания, которых и так осталось мало?

Человек, стоящий внизу у воды, вдруг поднял руку. Жест был странным. Не приветствие и не попытка привлечь внимание. Ладонь была повернута ребром к горизонту, словно он что-то измерял или прикидывал расстояние.

— Это кто? — шёпотом спросила Чен.

— Понятия не имею. Наверное, новенький. Он там с утра стоит.

Кевин взглянул на небо. Градиент менялся: бледная синева постепенно наливалась густой темнотой. Первых звёзд ещё не было видно, но воздух уже сделался прохладным, а болотные лужи перестали отражать свет, напоминая чёрные провалы в земле.

— Эй! — крикнул Кевин, и голос его улетел в пустоту.

Антенны стояли так плотно, что глушили звук, собирая его в тарелки своих локаторов. Скорее всего, этот крик летел сейчас где-то там, на частотах, которые уже никто не слушал. Фигура не обернулась.

— Ладно, — Кевин оттолкнулся от перил. — Ну его. Пошли. Завтра калибровка.

Он стал спускаться, и железная лестница отозвалась привычным, усталым скрипом. На полпути он всё-таки оглянулся. Человек стоял на прежнем месте. Но теперь он опустил руку и смотрел уже не на закат, а прямо на Кевина и улыбал-

ся.

— Максвелл! — позвала Чен снизу. — Ты идёшь?

— Да, — отозвался он чуть погодя, не отрывая взгляда от незнакомца.

Ветер полностью стих, распрямив рябь на болотах. И в этой вечерней тишине ему показалось, а может, это было на самом деле, — будто самая большая антенна, та, что наклонена ниже всех, слегка повернула локатор. Будто настраиваясь на сигнал.

Глава 2

В бараке пахло ветошью и горячим супом. Кто-то стирал в тазах бельё, развешивая выцветшие одежды на натянутые по периметру верёвки; кто-то разливал по мискам похлёбку из кореньев и консервов, которых осталось на три скромные недели. Кевин сидел у импровизированной печки и смотрел на огонь.

— Ты видел его? — спросила Виолетта. Старуха штопала рукав куртки, не поднимая головы. В её голосе не было любопытства. Она уже знала.

— Видел.

— И что?

Кевин помолчал.

— Он улыбался.

Виолетта отложила иглу. Ей было под восемьдесят, и она прекрасно помнила тот день, когда на равнинах выросли антенны. Как все вышли смотреть на эти огромные металлические цветы, упирающиеся макушками в небо. Помнила и голос из динамиков — чистый, без помех: «Ждите. Мы вернёмся».

— Улыбка, — повторила она. — Как думаешь, это хорошо?

— Не знаю, — честно ответил Кевин.

— Он не отвечал, — тихо сказала Чен, сидевшая у окна

с миской остывающего супа. — Мы кричали, но он не среагировал.

— Может, не слышал.

— Слышал, слышал.

В бараке стало тихо. Лишь мерно потрескивали дрова, да чуть посвистывал ветер сквозь прохудившуюся раму.

— Ладно, — Виолетта осторожно поднялась с кресла, хрустнув коленями. — Пойду-ка я гляну.

— Да куда ты пойдёшь на ночь глядя? — Кевин перегородил ей путь.

— К антеннам. К нему.

— Да не уйдёт он никуда.

— Тебе откуда знать?

Кевин и правда не знал. Но точно знал одно: если старуха сейчас выйдет в темноту к этому человеку, стоящему по щиколотку в ледяной воде и улыбающемуся неведь чему, случится что-то непоправимое. Возможно даже неплохое. Просто такое, после чего их жизнь уже не будет прежней.

— Давай я, — сказал он. — Я схожу.

Старуха посмотрела на него долгим, мутным от старости взглядом.

— Тридцать лет, — пробормотала она, вновь усаживаясь в кресло. — Ты думаешь, это случайно?

— Нет.

— Вот и я так не думаю. Иди.

* * *

Ночь опустилась на болота тяжёлой сизой пеленой. Кевин шёл по знакомой тропе уверенной поступью. Каждый камень, каждую корягу он знал, словно они были вписаны в подошвы его ботинок. Каркасы ржавых антенн чернели на фоне звёздного неба, как скелеты доисторических животных.

Человек стоял на том же месте, неподвижно глядя вдаль. Кевин остановился в двух метрах. Вода у ног незнакомца напоминала чёрное зеркало, не отражающее ничего.

— Эй! Ты так и будешь здесь стоять? — спросил Кевин, стараясь не выдать волнение.

Человек повернулся. Незнакомцем оказался парень лет двадцати: обычное лицо, простая куртка и болотные штаны, забрызганные тиной. Необычными были лишь глаза. В них не было ни страха, ни надежды, ни ожидания. Он смотрел на Кевина так, словно видел насквозь и, как рентген, считывал по костям всю его историю.

— Ты кто такой? — оборвал Кевин это молчаливое разглядывание.

Парень улыбнулся спокойно и чуть печально.

— Меня зовут Рэй, — представился он хрипловатым от длительного молчания голосом. — Я пришёл сказать Они не вернутся.

Кевин не шелохнулся. Но внутри что-то оборвалось и упало вниз живота, тяжёлым, холодным комком.

— Ты не знаешь, — выдавил он. — Ты не можешь знать.

— Могу. — Рэй поднял палец к небу, к звезде, что горела ярче других. — Там не слушают, Кевин. Ваши антенны не сломаны. Просто ответа не будет.

Ветер качнул тростник. Где-то в темноте плеснула рыба.

— Тогда, тридцать лет назад, они улетели не за помощью. — продолжал Рэй. — А потому, что здесь не осталось шансов. Они думали, что через пару лет вы сами погибнете.

Кевин сунул руки в карманы и упёрся взглядом в тёмную, как мазут, воду.

— Но мы не умерли.

— Верно, — кивнул Рэй. — Вы не умерли. И построили это. — Он обвёл рукой антенны, болота, посёлок и всю эту выжженную, но упрямо живущую землю. — И теперь они знают.

— Кто — они?

— Те, кто живут на орбитальных станциях в системах, о которых вы даже не догадываетесь. Дети и внуки тех, кто улетел. Они не знали, что вы выжили. Думали, просто получают старые сигналы, как архивные ошибки — эхо мёртвой планеты.

В воздухе повисла тишина, густая, как туман на болотах.

— А теперь узнали, — усмехнулся Кевин.

— А теперь узнали, — эхом отозвался Рэй. — Я здесь, чтобы передать: они не вернутся. И не потому, что забыли. Просто некуда возвращаться. Их дом теперь там. А это место..

Он замолчал, глядя на воду, на ржавые фермы антенн и далёкие огни посёлка, где люди ели суп из оставшихся консервов и верили, что завтра из динамиков раздастся долгожданный голос.

— Они называют его кладбищем.

Кевин стоял молча. Минуту. Две. Или все пять. Звёзды плыли над головой, антенны слушали пустоту, и где-то там, за гранью слышимого, возможно, кружили остатки или уже новые зачатки цивилизации, которая называлась человечеством.— И ты пришёл чтобы просто скать. Зачем тебе это? — наконец спросил он.

Рэй поднял на него глаза. Впервые за время их разговора в них мелькнула какая-то искра.

— Я хочу остаться, — сказал он. — Здесь, внизу. Вы научились жить там, где жить невозможно. Вы чините то, что давно уже мертво, и ждёте тех, кто никогда не придёт. Он сделал шаг вперёд, и вода под его ногами впервые колыхнулась, выдавая живого, настоящего человека.— Научите и меня.

* * *

В бараке ждали. Виолетта не ложилась. Чен домывала посуду в тазу с мутной водой. Остальные делали вид, что спят, но явно не спали.

Дверь открылась. Вслед за Кевином в барак вошёл незнакомец в грязных болотных сапогах с явно заинтересованным

ВИДОМ.

— Это Рэй, — сказал Кевин. — Ему нужна работа.

Виолетта одарила пришельца своим долгим, пронзительным взглядом.

— Умеешь что-нибудь?

— Научусь, — ответил Рэй и улыбнулся неизменно спокойной-печальной улыбкой.

Старуха кивнула и отвернулась к печке.

— Завтра в пять подъём. Чен покажет, где инструмент.

— В пять, так в пять, — Чен медленно перевела взгляд с Кевина на Рэя. Впервые за долгое время в её голосе прозвучала новая нотка надежды.

Ночью Кевин вышел на крыльцо. Антенны всё так же стояли — огромные, ржавые и, выходит, бесполезные. Но теперь он смотрел на них иначе. Пусть они не слали сигнал, но слушали. И, возможно, это было даже важнее.

Глава 3

Утро выдалось серым и влажным. Кевин не спал. Лёжа на спине, изучал потолок и слушал, как на лежанке ворочается Рэй. По всей видимости, тот тоже не спал, так как дыхание его было слишком ровным и осознанным.

Завтрак готовили молча. Чен помешивала в кастрюле кашу; Виолетта сидела у окна, довязывая носок; мужчины перекидывались короткими фразами о погоде и креплениях на восточном радиотелескопе.

Никто не спрашивал Рэя, никто даже не смотрел в его сторону. Он чувствовал эту отстранённость, а потому молча сидел на краю лавки, сжимая в ладонях кружку с кипятком и рассматривая, как в ней сиротливо кружатся три листика сушёной мяты.

— Ладно, — Кевин отставил миску. — Чен, ты сегодня с Рэем на западную. Покажешь ему, где инструменты, и введёшь в курс дела. Виолетта, посмотри на четвёртой блок питания, а я на главную пойду.

— Зачем? — спросила старуха, не поднимая глаз.

— Хочу угол проверить. Мне вчера показалось, что она сместилась.

— Тебе вечно что-то кажется в последнее время. Ну сходи, бог с тобой.

Кевин промолчал. Накинул потёртую жёлтую куртку и вы-

шел.

* * *

Локаторы встречали утро мокрыми от росы. Вода в болотах стояла неподвижно, небо висело особенно низко, и весь мир сегодня казался выцветшим фотоснимком.

Кевин неторопливо поднялся на верхнюю площадку, сам не зная, что желает там найти. Из головы не шёл вчерашний разговор с Рэем: «Они не вернуться» Казалось, он знал это всегда, но надежда была крепче здравого смысла.

Ветер трепал воротник. Он сел на край платформы, достал из кармана потёртый ремень старого генератора и стал крутить его меж пальцев. Зачем Рэй так бесцеремонно отнял у них эту надежду? И главное — что предложил взамен. Себя? Одного человека, который вдруг устал жить в невесомости?

— Ты мне не веришь? — раздался голос Рэя, внезапно появившегося на лестнице.

— Не знаю. Но ты явно веришь в то, что говоришь. И этого достаточно. — ответил Кевин не оборачиваясь.

Рэй поднялся и встал рядом. С высоты открывался прекрасный вид на весь посёлок: сарай с инструментами; десяток барачков; старый тягач, который давно не заводился, но упрямо стоял «на всякий случай».

— Там, наверху, — Рэй многозначительно поднял голову к небу. — У нас есть симуляторы. Можно прожить сот-

ни жизнью, не вставая с кресла. Пустыни, джунгли, океаны, горы — всё, что хочешь. А знаешь, какая симуляция самая популярная?

— Какая же?

— Да вот такая. Дождь, слякоть, болота со ржавыми антеннами. Люди готовы брать спарки в кредит, чтобы походить по такой локации, послушать, как каркают вороны. У нас нет ворон. Да вообще ничего такого нет.

Кевин молчал.

— Хорошо, хочешь правду? Я пришёл не потому, что хотел помочь. — Рэй уставился в размытую туманом линию горизонта. — Мне просто надоело сидеть в очереди к призрачному прикосновению. Вы здесь делаете всё то же самое, что и мы. Только по-настоящему. Чините молчаливые антенны и верите, что кто-то, наконец, придёт. Чем вы лучше нас?

— Мы не платим за это. Мы просто живём.

Рэй пристально посмотрел на него.

— А если я скажу, что всё, что вы делаете — бессмысленно? Что разумнее разобрать антенны на металл и построить теплицы. Это будет полезнее.

Кевин повернулся и посмотрел Рэю в глаза.

— Ты действительно это скажешь?

— Нет, — ответил Рэй помолчав. — Потому что не знаю.

Внизу хлопнула дверь. На крыльце маленькой фигуркой показалась Чен.

— Эй! Ну вы завтракать-то будете? Идите, пока не осты-

ло!

Кевин усмехнулся и поднялся на ноги.

— Пошли. А потом покажу, где какой инструмент.

— Я не умею всё это. Не понимаю. — признался Рэй.

— Ничего, научишься.

* * *

День тянулся, как болотная жижа. Чен гоняла Рэя по лестницам, показывая различные крепления и объясняя, какой ключ подойдёт для гайки, какой для болта. Он внимал, но руки предательски не слушались, зная лишь стерильность и сенсорные панели.

— Ты как ребёнок, честное слово. — улыбнулась она к вечеру. — За всё хватаешься, да ничего не доделываешь.

— Ну, извини.

— Не извиняйся. Делай.

Виолетта сидела у четвёртой антенны с блоком питания на коленях. Её пальцы, скрученные артритом, ощупывали старую плату, словно искали пульс.

— Живая, — пробормотала она. — Ещё послужит.

Кевин присел рядом.

— Виолетта, а ты помнишь тот день, когда они улетели?

— Помню, а как же. — не отрывая взгляда от платы, пробормотала она. — Молодая я тогда была. Дура Думала, на год, на два и за нами вернутся.

— А когда поняла, что не вернутся?

Виолетта замолчала. Солнце уже опускалось, и тени антенн вытянулись вдоль болота причудливыми узорами.

— Я до сих пор не поняла, — наконец сказала она. — А может, никогда и не пойму. Да разве это важно? Важно, что есть кому ждать. — Она подняла на него мутно-голубые глаза. — И я не про них, Кевин. Я про вас. Про Чен и даже про того парня с пустыми руками. Про всех, кто может придёт позже. Связь есть, пока есть кому ждать. Даже если молчат динамики.

Кевин молча наблюдал, как последний свет уходит с воды. Антенны темнели, превращаясь в скелеты надежд.

— А если тот, кто ждёт, однажды перестанет? — спросил он.

Виолетта усмехнулась.

— Тогда мы придумаем что-нибудь другое.

* * *

Ночью Кевин снова не спал. Он вышел на крыльцо и прислушался. Ветер гулял в поводах, где-то вдали плескала вода. Антенны чёрными гигантами застыли в тишине. На ступеньках сидел Рэй и смотрел в небо.

— Тоже не спится? — спросил Кевин.

— Тяжеловато мне здесь. Не привык к гравитации.

— Ничего, привыкнешь.

Рэй молча кивнул, а потом заговорил — тихо, почти шёпотом.

— Там, наверху, есть легенда. Неофициальная. Её рассказывают первые поколения, которые ещё помнят Землю. Будто перед уходом кто-то из учёных зачем-то настроил главный передатчик не на колонии, а в открытый космос. На все частоты сразу. И отправил одно-единственное сообщение.

— Какое?

— Координаты. И фразу: «Здесь есть жизнь».

Кевин замер.

— Никто не знает, зачем он это сделал, — продолжал Рэй.

— Может, сошёл с ума. Может, надеялся. Или просто хотел, чтобы после людей хоть что-то осталось.

— И что? Пришёл ответ?

— Три дня назад, когда я ещё был на станции, я нашёл необычный пакет данных на частоте, которую давно никто не слушал.

— И что там было?

Рэй поднял на него глаза, и в них впервые за всё время читалось что-то похожее на надежду.

Глава 4

Рассвет пришёл низким утробным воем, от которого в бараке завибрировали стёкла и на полках зазвенела посуда.

Кевин проснулся за мгновение до того, как звук расплылся по посёлку. Словно сработало какое-то внутреннее чутьё, или электромагнитный импульс коснулся самого сознания.

— Что это? — Рэй вскочил на лежанке, вцепившись пальцами в край матраса. Глаза его были полны жадного любопытства. Ни капли испуга.

Кевин уже натягивал ботинки.

— Похоже, сигнал.

Снаружи творилось что-то невообразимое. Люди выбежали из барачков, кутаясь, кто во что успел: старые одеяла, рабочие куртки, плащи, заношенные до дыр. Все смотрели в небо. Ржавые скелеты антенн, тридцать лет не издавшие ни звука, теперь вибрировали в унисон. И звук этот отдавался чувственным жужжанием где-то под рёбрами у каждого, в том самом месте, где, как полагают, живёт душа.

Чен уже была у пульта.

Кевин заметил её фигуру в дверях радиорубки. Она стояла, упёршись локтями в деревянный стол, и пристально смотрела в монитор. По чёрному экрану, с невероятной скоростью, сменяя друг друга, ползли зелёные строки. Это не было похоже на помехи. Это явно был пакет информации.

Невероятно плотный и структурированный.

— Чен! Что там?

Она не обернулась, лишь призывно мотнула головой, не в силах оторвать взгляд от экрана.

— Ты только посмотри на это.

Кевин подошёл ближе. Строки кода текли сплошным потоком, но совсем не походили на цифры или что-то привычное. Скорее напоминали символы: сферы, спирали, странные разветвлённые узлы, как нейронные связи.

— Оно само стало распаковываться, — прошептала Чен. — Как только попало в память. Приёмник по идее не должен это тянуть, но сигнал идёт как-то иначе, обходя стандартную логику.

В дверях показалась Виолетта с махровым платком на плечах и горячей кружкой в руке. Лицо её было строгим и сосредоточенным.

— Что там, Чен?

Девушка, наконец, обернулась. Пальцы её дрожали, но голос звучал бодро, как у заправского оператора.

— Это не просто информация. Очень похоже на чертежи или описание каких-то технологий. Только.

— Только что? — поторопил Кевин.

— Это не про физику с её двигателями и реакторами. Это нейробиология. Способ создания единой сети, если я правильно понимаю. Речь идёт о прямом соединении сознания. Без устройств. Через резонанс.

Рэй, до этого молчавший в углу, вдруг вышел вперёд. Лицо его было непривычно бледным.

— Я видел похожий код раньше. В орбитальных архивах. Но думал, что это просто легенда про частотную метку поехавшего крышей инженера. Вы же тоже знаете эту байку про сигнал, что ушёл в открытый космос тридцать лет назад? Выходит, это ответ или вернувшееся эхо.

— То есть ты хочешь сказать, что это не сигнал со станции? — Чен посмотрела на него с подозрительным прищуром.

— Я не знаю. Не уверен.

В рубке повисла тишина, нарушаемая лишь гулом заговоривших антенн и писком принимающего оборудования.

Виолетта подошла к столу, молча отодвинула Чен и склонилась над монитором. Её скрюченные артритом пальцы зависли над клавиатурой, но она не собиралась ничего нажимать. Просто смотрела, как текут строки, и что-то беззвучно шептала губами.

— Ересь какая-то. Они хотят стереть нашу память, нашу боль. — сказала она наконец выпрямившись. Голос её был чётким и констатирующим, словно она уже всё расшифровала и поняла. — Хотят соединить всех в одно. А без боли не будет и ожидания. Мы перестанем быть людьми. Станем биомассой. Чёртовыми роботами.

— Может это наш следующий шаг в эволюции. — съязвил Кевин.

Чен окинула всех скептическим взглядом и решительно встала у пульта.

— Мы не узнаем, пока не расшифруем.

— И сколько на это может уйти времени? — поинтересовался Кевин.

— С нашими мощностями? — Чен горько усмехнулась.

— Месяцы. Ты посмотри на этот объём.

— У нас нет месяцев.

— Это почему же?

Кевин ткнул пальцем в экран. В нижнем углу монитора, среди служебных данных, едва заметно мигал таймер обратного отсчёта.

— Потому что файл сам нам его ограничивает. А вот что будет, когда это время выйдет. Данные просто удалятся? Или произойдёт что-то ещё?

Все четверо переглянулись и уставились на бегущие цифры. Семьдесят два часа. Всего трое суток на то, чтобы понять, проклятие это или спасение.

За стеной радиорубки продолжали гудеть антенны, посылая свой странный вой в серое утреннее небо. Кевин распахнул дверь настежь. В лицо ударил холодный воздух болот. Антенны не казались теперь мёртвыми железяками. Они слушали и ждали.

— Ладно, — сказал он не оборачиваясь. — Чен, займись расшифровкой. Рэй, помоги ей. Ты наверняка знаешь больше о таких протоколах.

— А я пойду успокою людей, — старуха тихонько зашаркала ногами к выходу. — А то стоят там, как овцы, и не знают, радоваться им или волноваться.

Она вышла, тяжело ступая, и её маленькая фигура вскоре растворилась в утреннем тумане. Кевин ещё раз взглянул на антенны. Семьдесят два часа на то, чтобы найти, наконец, ответ на вопрос, который мучил их тридцать лет. Кто они друг другу — брошенные дети и сбежавшие родители? Или это вообще совсем другая история.

Где-то в глубине души он ликовал, ведь ответ уже здесь. Вот он — пульсирует в строках странного кода на мониторе. Нужно лишь суметь. Успеть разгадать.

— У нас должно получиться, — вдруг сказала Чен, с чёткой уверенностью в голосе.

Кевин не стал возражать. Лишь кивнул и закрыл за Виолеттой дверь.

Глава 5

Неделей ранее Рэй стоял у смотрового окна тридцать восьмого яруса станции «Возрождение» и думал о том, как же легко здесь дышится, и как жутко хочется от этого задохнуться.

Внутри идеального восьмикилометрового цилиндра раскинулись парки, текли реки и били искусственным прибором небольшие моря. Небо, спроецированное лучшими светодиодными экранами, меняло оттенки послушно времени суток и заданной погоды, имитируя рассветы, закаты, грозы и ясные дни, которые большинство из здешних обитателей никогда живую не видели. Всё работало безупречно. Всё было красивым, но бесконечно мёртвым, как отполированный музейный экспонат.

Рэй перевёл взгляд. Ярусом ниже, на лужайке у озера, две девушки играли с собакой. Золотистый ретривер, заливаясь звонким лаем, радостно носился за игрушкой. Собака была настоящей, а вот девушки. Одна из них определённо подгружала симуляцию и видела сейчас не парк, а лес, и ретривер в её восприятии выглядел не собакой, а грозным волком. Рэй знал это точно, и даже то, что стоило это удовольствие ровно триста спарков в час.

— Наблюдаешь? — раздался звонкий голос из-за плеча.

Рэй обернулся. Перед ним стояла Лин — его непосред-

ственный начальник и по совместительству единственный человек на станции, с кем он мог болтать о чём угодно. Почти.

— Да так. Изучаю. — ухмыльнулся он. — Пытаюсь понять, когда нам стало интересно платить за то, чтобы не быть собой.

— Мы всегда платили за это. Просто раньше валютой было время и воображение, а теперь — спарки. Прогресс.

Лин хлопнула его по плечу и протянула планшет.

— У нас заявка. С повышенным приоритетом. Клиент хочет симуляцию из старых архивов. Погрязней и с погружением по самые уши. Помнишь, там что-то было с болотами. Вот, думаю, самое то.

Рэй взял планшет, пробежал глазами заказ и поморщился.

— Уже третий за неделю.

— Четвёртый. И каждый требует всё более аутентичный опыт. — Лин понизила голос до заговорщицкого шёпота. — И все как один хотят полную нейростимуляцию рецепторов. Говорят, иначе не так убедительно.

— И ты допускала?

— А почему нет? — Лин развела руками. — Их спарки, их тела. Мы лишь провайдеры.

Рэй смотрел на планшет и видел там до боли знакомые кадры архивных записей: ржавые антенны, мутная вода болот под низким серым небом. Те самые кадры, которые тридцать лет назад запечатлели трагедию, заставившую челове-

чество бежать из родного дома. Теперь они стали ходовым товаром.

* * *

Через час он уже сидел в серверной. В большом гулком помещении, уставленном стойками с оборудованием, было прохладно, пахло статикой и греющимися проводами. Тысячи симуляций одновременно обслуживали тысячи клиентов, транслируя им ощущения, которые они никогда не испытывали: горячий ветер в лицо, запах прелой травы, ледяная вода ручья, обжигающая щиколотки.

Рэй открыл первый попавшийся пользовательский профиль. Девушка, двадцать один год, третье поколение колонистов. За последний месяц она провела в архивной симуляции двести сорок часов. Почти полные десять суток. В ночную смену она работала техником жизнеобеспечения, а в свободное время виртуально жила на Земле. И платила за это баснословные спарки, которые зарабатывала, обслуживая систему своего же жизнеобеспечения. В этом был какой-то чудовищный абсурд.

Парень закрыл панель диагностики, встал и подошёл к дальнему шкафчику с личными вещами. На верхней полке, за коробкой фильтров, лежал старый накопитель. Он нашёл его полгода назад, разбирая вещи отца. На корпусе значились инициалы: «Д. М.» — Даниэль Мёрсей. Ведущий инженер связи, который тридцать лет назад отказался покидать

Землю. Официально Мёрсей числился погибшим, а его имя вычеркнуто из всех документов.

Рэй вставил накопитель в считыватель. Текстовый файл он знал наизусть: «Планета Земля. Здесь живые. Начинаю передачу протокола. Пакет отправлен. Ждите ответа».

Отец никогда не рассказывал, откуда у него этот жёсткий диск. Но его содержимое не давало Рэю покоя, и он сам по крупицам восстановил всю историю.

Мёрсей работал не один. У него был ассистент — молодой техник по имени Томас, который всё-таки сел вместе со всеми на последний челнок. Это был дед Рэя. Узнав о решении помощника лететь, Мёрсей в последний момент передал ему накопитель в качестве доказательства и напоминания, что на Земле ещё остались люди. И Томас его сохранил. Но доказательство оказалось слишком неудобным. Оно требовало действий, а действия — мужества, которого у Томаса не было.

Он спрятал винчестер в личных вещах, никому ничего не сказав. Даже когда временный космический лагерь вырос в огромную постоянную станцию, даже когда первые поколения родившихся здесь детей начали спрашивать о Земле, — он молчал. Потому что рассказать означало признать: они бросили живых.

Рэй всегда думал, что «протокол», о котором пишет Мёрсер, — это про настройки передатчика. Но сегодня, после разговора с Лин, его вдруг осенило: файл слишком малень-

кий. Мёрсей явно отправлял что-то ещё.

Недолго думая, он запустил глубокое сканирование. Алгоритмы станции начали пробивать тридцатилетнюю пыль эфира, выискивая скрытые вложения. Рэй ввёл координаты земного массива, задал диапазон старого передатчика и нажал «Запрос на синхронизацию».

График на мониторе подёрнулся, и через мгновение в буфере системы сформировался огромный, структурированный пакет данных. То, что он содержал, совсем не походило на привычную техническую документацию. Это была странная схема — описание какой-то инновационной технологии, позволяющей создавать прямые связи между сознаниями. Без имплантов и внешних устройств.

Мёрсей и его группа разработали это ещё до отлёта, но не успели завершить или не решались запустить. И он не придумал ничего лучше, чем отправить это программный пакет в космос. Просто в пустоту, на все частоты сразу. Словно послание в бутылке: «Мы были здесь. Мы пытались».

Рэй откинулся на спинку стула, заложив руки за голову, и закрыл глаза. Сердце бешено колотилось, а мозг пытался собрать разрозненные фрагменты в единую картину, но не мог. Одно он понял точно: пакет был отправлен тридцать лет назад и всё это время висел в эфире, ожидая получателя.

* * *

Вечером Рэй спустился на тридцатый ярус — в крыло для

ветеранов, которые ещё помнили Землю. Таких оставалось всё меньше. И его отец был одним из них.

Маркус лежал на кровати, опутанный кучей медицинских датчиков. Старая земная болезнь медленно добивала его лёгкие. Здесь, на станции, с передовой медициной и стерильным воздухом, он прожил лет на двадцать дольше, чем получилось бы там, внизу. Но даже здешние технологии были бессильны. Маркус угасал.

— Опять не спишь? — проскрипел он, не открывая глаз.

— Ты же знаешь, я твой вечный полуночный гость. — Рэй присел на край кровати и положил руку на крепкую, но уже заметно морщинистую ладонь отца.

— Да-да. Но никогда не заходишь просто так. Всё больше пропадаешь в своей серверной.

— Я нашёл накопитель Мёрсея.

Маркус открыл глаза. Они были выцветшие, почти прозрачные, но в глубине их всё ещё теплился свет.

— Я помню. Ты говорил.

— Почему ты никогда не интересовался, что на нём?

— Я не хотел знать.

В комнате повисла тишина, разбавляемая тихим писком медицинских приборов. Рэй смотрел на отца и видел в нём не просто доживающего свой век старика, а человека, который прожил тридцать лет, храня тайну, которую предпочёл не знать.

— Его же дед доставил на станцию, так? — аккуратно

спросил Рэй.

Маркус долго молчал, а потом едва заметно кивнул.

— Твой дед был отменным техником, но хреновым героем. Он решил улететь, потому что испугался. Как и мы все. Решил, что лучше шаг в неизвестность, чем скорая неминуемая смерть.

— Но вы же пообещали вернуться в случае успеха.

— Да, — голос Маркуса прозвучал тихо и без эмоций. — Пообещали.

Он закрыл глаза, и Рэй испугался, что разговор окончен. Но старик продолжил. Медленно, с долгими паузами, словно вытаскивая слова из затянутого туманом прошлого.

— Был такой уговор. Когда стало понятно, что планета погибает, люди разбились на два лагеря. Тех, кто желал улететь немедленно, на всём, что только способно оторваться от земли. И тех, кто улетать не собирался, веря, что ещё можно хоть что-то сделать. Твой дед был из первых. Мёрсей — из вторых. Спорили до хрипоты, но в итоге договорились. Улетающие попробуют создать колонии. А те, кто остаются, — продержаться сколько смогут. Если через пять лет у колонистов всё получится, они вернутся за оставшимися.

— Но вы не вернулись.

— Мы не бросили их. — Голос Маркуса подёрнулся нотой старой, затвердевшей обиды. — Мы честно пытались. Первые годы связь работала. От них приходили отчёты. Мы отвечали. Потом отчёты стали приходить реже, а позже и вовсе

пропали. Затем перестала работать и несущая частота. Мы решили, что они погибли.

— Решили? — повторил Рэй. — В смысле пришли к такому выводу? Или вы так удобно для себя решили?

Маркус не ответил.

— Почему вы перестали слушать?

Старик открыл глаза и посмотрел на сына долгим, изучающим взглядом, в котором смешались боль и что-то похожее на облегчение оттого, что этот вопрос наконец задан.

— Мёртвая Земля — это потеря. Но с ней можно жить. А живая Земля — это обвинение, жить с которым невозможно.

— Но вы догадывались?

— Мы знали. — Маркус вздохнул. — Знали, что сигнал шёл ещё несколько лет после того, как прекратились отчёты. Знали, что Мёрсей отправил какой-то пакет данных, но никто не стал разбираться. Никто не захотел. И твой дед, и я, и все остальные — мы просто перестали слушать.

Он замолчал, переводя дыхание. Датчики участили писк, фиксируя скачок давления.

— Ты пойми, — сказал он тихо. — мы не злодеи. Мы просто были испуганными людьми, которые в короткие сроки потеряли родную землю, а потом ещё несколько лет слушали, как она умирает. И в какой-то момент мы просто не смогли больше включать приёмники и слушать пустоту. Это убивало.

Рэй смотрел на отца и видел перед собой уже не челове-

ка, который любил с упоением и ностальгией рассказывать про антенны и болота, а соучастника. Сообщника в великом молчании, которое длилось три десятилетия.

— Расскажи мне про антенны, — попросил он, желая немного сменить тему. — Про ту, самую большую.

Маркус немного помолчал.

— Её ставили последней. Мёрсей настоял. На случай, если связь угаснет. Он настроил её не на колонии, а в пустоту. Я спрашивал: зачем? Он сказал, что кто-то должен слушать, даже если никто не говорит.

— И она до сих пор стоит?

— Стоит. — Маркус слабо улыбнулся. — Иногда мне кажется, что даже что-то слышит. То, чего не слышим мы.

Рэй сидел неподвижно, глядя в пустоту.

— А если я скажу тебе, что они по-прежнему живы? И что пакет Мёрсея действительно был, и, мало того — он дошёл.

Маркус повернул голову и пристально посмотрел на сына.

— Тогда я отвечу тебе, — медленно проговорил он. — что ты должен сделать то, чего не сделали мы.

— Что именно?

— Вернутся. И как минимум попросить у них прощения.

* * *

Три дня спустя Рэй стоял на стыковочной площадке и ждал Лин. Она должна была принести планшет с кодом доступа к старому грузовому челноку. Это стоило ему почти

всех сбережений, но спарки сейчас не имели никакого значения.

Лин появилась в тени перехода — грустная и взволнованная.

— Ты действительно этого хочешь? — спросила она, протягивая планшет.

— Да.

— Мы даже не знаем, нормальный ли там воздух.

— Понимаю.

— Может, там вообще ничего нет. Только топи болот с торчащими ржавыми железками.

— Может и так. Но здесь меня тоже ничего не держит.

Лин вздохнула и обняла его. Крепко, по-дружески.

— Ну раз решил, тогда иди. И знаешь если там действительно ещё остались люди, скажи им, что мы не все здесь такие. Далеко не все.

Рэй взял планшет и направился к челноку. Шлюз закрылся. Двигатели взревели, отталкивая шаттл в бездну. Рэй смотрел, как гигантский цилиндр «Возрождения» остаётся позади, растворяясь в звёздной пыли. И в этот момент он вдруг почувствовал настоящую, честную свободу.

В иллюминаторе показалась серо-зелёная Земля, подёрнутая облачной дымкой, испещрённая шрамами высохших морей и нитями рассыпавшихся городов. Совсем не красивая, но настоящая. Корпус задрожал, входя в плотные слои атмосферы. Парень закрыл глаза. Он думал о тех, кого ни-

когда не видел. О людях, которые тридцать лет варили суп из консервов, чинили ржавые вышки и с надеждой смотрели в небо. Они не покупали боль за спарки. Они просто жили и ждали.

— Научите меня ждать, — прошептал он и улыбнулся, голос потонув в гуле турбин.

Внизу, на болотах, вдруг качнулась главная антенна. Едва заметно. Словно приветствуя гостя или настраиваясь на возбуженный сигнал. А может быть, это был просто ветер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.